

К 110-летию со дня рождения А. В. Луначарского

Боец ленинской гвардии, Анатолий Васильевич Луначарский (1875—1933), будучи профессиональным революционером, видным советским, общественным и государственным деятелем, первым наркомом просвещения, оставил заметный след в отечественной культуре, сыграв большую роль в становлении и развитии марксистской эстетики и художественной критики. Видный теоретик и критик советской литературы и искусства, выступавший за идейное богатство и художественное многообразие социалистической культуры, он оставил труды, и донны не теряющие актуальности. Отмечая 110-летие со дня рождения А. В. Луначарского, «Литературная Россия» публикует фрагменты его литературоведческих работ.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

О ЛИТЕРАТУРЕ

Каковы же должны быть критерии, которые необходимо положить в основу оценки литературного произведения? Прежде всего подойдем к этому с точки зрения содержания. Здесь дело, в общем, ясно. Основным критерий здесь тот же, что и в намечающей пролетарской этике, все, что содействует развитию и победе пролетарского дела, есть благо, все, что вредит, — есть зло.

...Однако даже и в области оценки общественного содержания данного произведения дело обстоит далеко не просто. От марксиста требуется большая сноровка и большое чутье... Так, например, критик-марксист не может считать существенными лишь те произведения, которые ставят совершенно актуальные проблемы. Не отрицая особой важности постановки проблем злободневных, абсолютно не возможно отрицать и огромного значения постановки проблем, кажущихся на первый взгляд слишком общими или отдаленными, но на самом деле, при более внимательном рассмотрении, влияющими на общественную жизнь.

...Пожалуй, еще сложнее дело, поскольку критик-марксист переходит от оценки содержания к оценке формы.

...Здесь прежде всего надо упомянуть о важнейшем формальном критерии, который разделял и Плеханов, а именно о том, что литература есть искусство образов и что всякое вторжение в нее голых мыслей, голых пропаганды есть всегда промах для данного произведения...

Слова тому писателю, который может сложное и ценное общественное содержание выразить с такой художественно мощной простотой, что оно волнует миллионы и десятки миллионов... Но, конечно, нельзя отрицать значения и таких произведений, которые не удалось сделать достаточно понятными для каждого грамотного... Жизнь ставит много жгучих проблем, и нельзя, конечно, оставлять эти проблемы без художественного ответа только потому, что они еще не встали перед большими массами или что их нельзя еще в общедоступной форме художественно обработать.

...Стремясь стать полезным учителем писателя, критик-марксист должен быть также учителем читателя. Да, необходимо читателя учить читать. Критик... разглагольствующий твердую скорлупу, чтобы показать великолепное зерно, критик, раскрывающий остающиеся в тениклады, критик, ставящий точку на «и», делающий обобщения на основе художественного материала, — это для нашего времени, времени появления огромного количества ценнейшего, но еще неопытного читателя, — необходимый путеводитель. Таким является он по отношению к прошлому нашей и мировой литературы, таким же должен он являться по отношению к современной литературе.

Мысль ежегодно праздновать пушкинский день — хорошая мысль, ибо значение Пушкина для русской литературы и русского народа неисчерпаемо.

...Классический век для каждой национальной литературы — это вовсе не наиболее блестящий в политическом, экономическом или культурном отношении век. Это первый век относительно первоначальной, а бы сказал, отроческой зрелости интеллигенции данной нации. Как только обстоятельства позволяют этой нации родиться, упрочиться, как только ее таланты могут сколько-нибудь округлиться, так сейчас же они начинают ковать язык, а он еще гибок, он еще податлив. Все не нужно фигурничать, выдумывать, умничать и зауничать. Достаточно брать обеими руками из сокровищницы народной речи и при помощи ее называть вещи, как Адам в Библии впервые называет первоначальные феномены окружающего.

И то же относится к содержанию. Никто еще не выразил ни одного живого, ни одного гибкого, ни одного сложного чувства. И когда они накопились в душе, они прорываются с живой свежестью, необыкновенной естественностью. Естественность, органичность, первоначальность, — вот те печати, которые лежат на счастливых челе классических произведений.

...Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром, Пушкин был русским Адамом. Что сделали в Италии Данте и Петрарка, во Франции — великаны XVII века, в Германии — Лессинг, Шиллер и Гёте, то сделал для нас Пушкин...

В самом деле. Чем позднее оказалась особенно богатой и замечательной наша литература?.. Она болезненно чутка, она возвышенна, благородна, она страдальческая и пророческая.

А между тем, если сразу, не вдумываясь в детали, кинуть взгляд на творчество Пушкина, то первое, что поразит, — это волюность, ясный свет, какая-то танцующая грация, молодость без конца, молодость, граничащая с легкомыслием. Звучат Моцартову менуэты, носится по полотну и вызывает гармоничные образы Рафаэлевых кистей...

Откуда же это пушкинское счастье при несчастье его личной жизни? Может быть, это совершенно индивидуальная черта? Я думаю, нет. Я думаю, что и здесь Пушкин был органом, элементом, частью русской литературы во всей ее исторической органичности.

Встал богатырь, силушка по жилочкам так и переливается. Уже предчувствуются горести и скорби, уже предчувствуются вся глубина и мука отдельных проблем, — но пока не до них, и даже они радуют. Все радуется, ибо сильна эта прекрасная юность. В Пушкине-дворянине на самом деле просыпался не класс (хотя класс и наложил на него некоторую свою печать), а народ, нация, язык, историческая судьба...

Еще в самом раннем возрасте Герцен питал сильное пристрастие к естественным наукам, что тогда казалось странностью; это было такое время, когда все увлекались идеалистической философией. Когда разразилась революция 30-х годов, Герцен с Огаревым принесли аннибалову клятву отдать свою жизнь на борьбу с самодержавием. Революцию 1830 года Герцен встречает восторженно и пишет об этом: «...Какое-то горячее, революционное дуновение налетало в прениях, в литературе... Мы следили шаг за шагом за каждым словом, за каждым событием... мы не только подробно знали, но горячо любили всех тогдашних деятелей, разумеется, радикальных, и хранили у себя их портреты»...

В «Былом и думах» у Герцена есть такая фраза: «Социализм и реализм остаются до сих пор пробными камнями, брошенными на путях революции и науки».

Это в высокой степени характерно. В то время самое слово реализм употреблялось совершенно отрицательно, Герцен же считал, что дело не в высших полетах идеалистической философии, что идеализм должен сочетаться с реализмом, то есть с непосредственным трезвым отношением к вещам, как таковым; это сразу показывает нам, каково было знамя Герцена.

Русская литература отличалась всегда глубочайшей общественностью. Она свойственна почти всем без исключения писателям золотой поры русской литературы. Для волевого выражения мыслей в форме научной и публицистической русские порядки, русская цензура не оставляли почти никакой возможности. Приходилось прибегать к форме романа, повести, стихотворения не только из той нормальной потребности в изящной литературе — в литературе как искусстве, — которая присуща всякому более или менее развитому обществу, но еще для того, чтобы удовлетворить этим способом жажду познания общественной истины и распространения ее в массах, жажду пропаганды общественного прогресса.

...Щедрин был настолько писателем своего народа и своей эпохи, что не только иностранцам очень трудно понять его, но даже и для нашего поколения многое в его сочинениях нуждается в раскрывающих комментариях. Конечно, писатель, слишком конкретно идущий в уровень со своим временем и своей средой, всегда рискует не остаться достаточно интересным вне этого времени и вне этой среды. Но ведь, с другой стороны, прав и Шиллер, когда он говорит: «Тот, кто верен своему времени, легче других добивается бессмертия»...

Великая сатира возникает только там, где сам сатирик освещен каким-то, может быть, не совсем ясным, но тем не менее живущим в нем и в тех, кого представляет, идеалом. У Щедрина был такой идеал.

Великая сатира вырастает там, где этот идеал нельзя практически выполнить. В таком положении и был Щедрин.

Великая сатира возникает там, где препятствующая движению к идеалу сила неизмеримо ниже в культурном отношении, чем сатирик. Так это и было с Щедриным.

...И есть одно попутное обстоятельство, которое с формальной стороны довольно неожиданным образом содействовало росту нашего великого сатирика. Такой силой была цензура. Ведь открыто смеяться нельзя, ведь вещи нельзя называть прямо своими именами, ведь надо надевать на свои идеи маску. Но идея в маске — это одна из высших форм искусства. Именно то, что свой тончайший и ядовитый анализ русской общественности и государственности Щедрин умел виртуозно одевать в забавные маски, спасло его от цензуры и сделало его виртуозом художественно-сатирической формы.

Михаил Евграфович Салтыков был по своему происхождению средним помещиком. Но тяжелый уклад помещичьей семьи часто ставил нелюбимых сыновей отцов-деспотов (например, Некрасова) или матерей-тиранов (как, например, Тургенев) в положение угнетенных, тем самым как бы поставленных в большую близость к рабам, чем к господам. У Щедрина была ужасная мать, которая беспощадно описана им в «Пошехонской старине»...

Салтыков учился в Александровском лицее. В этом лицее существовал обычай ежегодно выбирать «Пушкина» данного выпуска. Тринадцатый выпуск выбрал своим «Пушкиным» Мишу Салтыкова. Молодой Салтыков сразу становится на самом левом фланге общественности...

Сам он определил свою борьбу так: «Против произвола, двоедушия, лганья, хищничества, предательства, пустомыслия».

У Короленко большое, матерински нежное, великодушное сердце...

Как публицист, в самые тяжкие времена, по поводу наиболее ужасных несправедливостей он «не мог молчать», и, когда звучал его голос, голос чести и правды, даже враги внимали с уважением.

Его преследовали, пока он был молод, потом, когда достиг непререкаемой славы — терпели.

...В народной душе он распознавал целые гаммы симпатичных душевных черт. Никогда и никто не забудет ярких и в то же время бесконечно правдивых образов сибирского Макара и ветлужского Тюлина. Постоянный призыв к братству, к какому-то полету, к высоким идеалам, к истинно человеческому счастью — вот музыка души Короленко...

Громадную силу обладал Короленко в его чисто литературном творчестве. Русские писатели в некоторой степени разделяются как бы на две колонны: таких, которые стремились главным образом к безыскусственности (Достоевский, Толстой), и таких, которые заботились о певучести, о внешнем совершенстве (Пушкин, Тургенев). Короленко относился именно к этой второй линии. Его громадный музыкально-живописный талант позволил ему обогатить русскую литературу настоящими перлами, рядом с которыми могут стоять немногие жемчужины русской прозы.

Клим Самгин прежде всего и в полном смысле слова — художественный тип.

Что значит художественный тип?

Создать художественный тип — значит подметить в обществе какие-либо широко распространенные положительные или отрицательные черты или их комбинации и сплести их в одну личность, которая была бы возможно более тонко и глубоко похожа на себе подобных живых людей, но ярче выявляла бы ту характерную комбинацию, которую хотел осветить автор.

У Маяковского каждая часть стихотворения есть, в сущности говоря, афоризм, изречение, которое нужно помнить. И он сам помнил почти все свои стихи. Валерий Брюсов как-то сказал мне: «Поэт, который забыл свои стихи, либо плохой поэт, либо написал плохие стихи. Хорошие стихи хороший поэт помнит все». Я думаю, что Брюсов был в значительной мере прав. Маяковский помнил свои стихи.